

ANNA TROITSKAYA

Проекты Нового краеведения в неофициальной истории города: опыт Санкт-Петербурга

New Local History projects in the unofficial history of the city: The case of St. Petersburg

Abstract. The problem of interpreting local history is relevant to St. Petersburg, as to many other major historical cities. This article examines phenomena united by the concepts of local (spatial) myth and urban narrative, which go beyond official discourse. Alternative images of the city, based on its concealed places of interest contrast with one of the most widespread representations of St. Petersburg – its association with the heritage of imperial culture. The selection of memorable places and stories shifts from recognizable city landmarks to other objects that reveal the history and image of particular St. Petersburg sites, people's daily lives and peripheral issues of urban life. This approach to the exploration of urban space, a phenomenon called New Local History, is presented and explained in the article as the rediscovery of the historical potential of the city. The examples given in the article also show the possible role of New Local History in encouraging residents to develop an interest in their own history, in the problems of modernity and in participating in socially significant projects. Trends in interaction with urban space and memory practices that offer alternative interpretations of the past have been identified in various socio-cultural initiatives. In the context of Russian memory politics, this approach often becomes oppositional.

Keywords: New Local History, urban space, periodicals, public projects, urban communities

Anna Troitskaya, Estonian Literary Museum, Tartu – Estonia, anna.troitskaia@folklore.ee, <https://orcid.org/0000-0001-5756-4366>

Введение

Представления о городском пространстве, пронизанные историческими контекстами, составляют основу городской идентичности и формируют образ города, который воспринимается изнутри и извне. Эти представления, часто закреплённые в устойчивых нарративах, опираются во многом на ключевые моменты политической истории, истории градостроительной, архитектурной или истории из жизни знаменитых людей (биографии). Для

туристического восприятия Санкт-Петербурга к концу XX века закрепились концептуально устойчивые формы репрезентации города, такие как „имперская столица” (имперскость которой не прекратилась после уничтожения последнего царя), „город трех революций”, „культурная столица”. Последнее определение оказалось наименее конкретным и наиболее пластичным: к опыту знакомства с северной столицей можно отнести и изучение *петербургского текста* как культурного и метафизического феномена (Торогов), и приобщение к зрелищной культуре, посещение концертов, фестивалей, футбольных матчей и иных мероприятий. Все эти концептуальные образования направлены на построение обобщающих, глобальных городских смыслов, легко поддающихся конвертации в брендирование города и его культурной репутации. Вместе с тем существует тенденция обратной направленности, исходящая в основном, от местных сообществ и отдельных жителей, которые, погружаясь в исторические нюансы, архивные и литературные свидетельства жизни города, готовы делиться этими сведениями с другими. Внутренний процесс, напоминая попытку саморефлексии, расширяет устойчивые городские нарративы, дополняет их новыми деталями или вовсе уводит в сторону, порождая новые образы города. Краеведческий подход позволяет также создавать новые внутригородские идентичности (влияющие на представления о городе изнутри) и городские локальные мифы (влияющие на восприятие извне).

Несмотря на впечатляющий объем исследований петербургского текста, рассматривающих город в том числе и семиотически, мы не ставим целью нашей статьи изучение форм репрезентации города в семиотических категориях. Методология нашего исследования основана на системно-функциональном анализе различных практик взаимодействия с культурными репутациями городских локусов. Фокус работы направлен на краеведческие проекты 2000–2010-х годов, их классификацию и описание с точки зрения способа производства нарратива, функционирования внутри системы и механизма смещения акцентов в соотношении конструкторов *центр/периферия*. Разнообразные, как географически, так и стилистически, проекты не могут рассматриваться вместе как части единого целого, но для них характерна общая направленность на освещение локального, местного, что свойственно Новому краеведению – явлению, которое требует формулировки и подробного освещения в нашей статье. Распространенность этого избранного подхода позволяет сделать вывод о его популярности и проследить, как Новое краеведение перестает быть только исследовательской (краеведческой) методологией и все больше перерастает в общественные практики.

Локальный миф: интерпретации и подходы

Первыми исследователями, связавшими краеведение с проектированием экскурсий, были Иван Михайлович Гревс (1860–1941) и Николай Павлович Анциферов (1889–1958), их деятельность в Петроградском научно-исследовательском экскурсионном институте (просуществовавшем совсем недолго, с 1921 по 1924 год) сосредоточилась на разработке теории экскурсионного дела и развитии новых направлений в экскурсионной практике¹ (подробнее: Копеѣнѣ 52–56; Smirnova). Среди заслуг этого недолго существовавшего учреждения выделяется и утверждение краеведения как нового направления в науке. В 1920-е оно перестало быть уделом любителей былого и открылось в качестве источника для изучения города, или, словами Гревса, „его биографии” (Grevs 22, 30, 38, 41)². Топография города, в которой были выделены отдельные места, культурные центры, структуры, изучалась с целью создания образа города и его переживания.

Так, уже в 20-е годы XX века точкой пересечения краеведения и экскурсоведения становятся места, воспроизводящие различные смысловые коннотации с историко-культурным, литературным, художественным, географическим, социальным содержанием определенного локуса. Постоянное обращение к этому содержанию ведет к образованию пространственного или, говоря иначе, локального мифа. Согласно определению Дмитрия Замятина, „локальный миф” – это „специфический устойчивый нарратив, распространенный на определенной территории, характерный для соответствующих локальных и региональных сообществ и достаточно регулярно воспроизводимый ими” (Zamâtin 38). Мы понимаем это явление шире, как комплекс смыслов и образов, свойственных определенному месту, обеспечивающих семантическое прочтение географического пространства. Воспроизводство городских нарративов в свою очередь проникает в повседневную культуру, речь, коммуникацию, визуальную среду города, городской фольклор, в том или ином адаптированном виде они транслируются в городских экскурсиях³.

---

¹ В те годы было создано несколько городских экскурсионных маршрутов, которые в той или иной форме востребованы до сих пор, например, экскурсии по Петербургу Достоевского, основу для которых разработал Анциферов (Anciferov).

² Отметим, что, нащупывая контуры новой науки, Гревс использует терминологический аппарат, отличный от современного: в той же статье краеведческая наука именуется им „родиноведением”, по аналогии с немецким *Heimatkunde* (Johnson). В англоязычной литературе мы встречаем употребление термина *local history* (локальная история) в значении близком русскому „краеведение”, но не тождественном ему.

³ Следует отличать от локального мифа (как наполненного культурными смыслами пространства) городскую мифологию, наполненную слухами, легендами, анекдотами: широко

Локальный/пространственный миф отличается также способностью к конструированию новых смыслов и устойчивых образов. Например, одним из главных культурных мифологических кодов Петербурга, стал замысел Петра I о строительстве новой столицы, с подчинением природы и преобразованием болотистой местности дельты Невы. Наиболее популярные сложившиеся образы Петербурга – образы, навеянные историей возникновения города, его географическим положением („город на болоте” и – более мрачно – „город на костях”, „Град Петров”, „Северная столица”, „город белых ночей” и т.п.), а также знаменитыми архитектурными ансамблями и дворцами, историческими памятниками аристократической культуры.

С момента своего основания в 1703 году городу было предопределено стать столицей Российской империи – статусом, которым он пользовался в течение трехсот лет. Но даже спустя столетие после отказа от него имперский дух города все еще жив. Туроператоры и городские власти продвигают туристические продукты, связанные с имперским прошлым города. Но насколько эффективны эти усилия? (Gorgadze, Gordin, Belyakova 5)⁴

В нынешнем петербургском „мифе” город отождествляется преимущественно с имперским культурным наследием:

Не так давно исторический и культурный капитал города, на которые бывшая столица могла претендовать, был основан на трех отличительных особенностях: родина имперского стиля, колыбель революции и место блокады Ленинграда (Stites 182).

Безусловно, все эти направления продолжают сохранять свою востребованность у туристов и экскурсантов, и вместе с тем в последние несколько лет произошли изменения в предпочтениях. Наиболее заметно они проявились в период ковидных ограничений: тематика городских маршрутов, рассчитанная на местных жителей и внутренних туристов, отчасти сместилась в сторону неочевидных городских достопримечательностей. Создание новых образов города и их распространение было связано со сложением новых локальных мифов или переосмыслением прежних. В числе примеров таких маршрутов возникли экскурсии по дворам-колодцам, блошиным

используемый в экскурсионной практике прием рассказа примечательной, иногда выдуманной истории, связанной с конкретным местом, может быть соотнесен с локальным мифом только весьма опосредованно. Также, разграничивая понятия городского нарратива и локального мифа, отметим, что локальная мифология объединяет более широкий круг явлений, в том числе субъективно воспринимаемые пространства.

⁴ В этой статье исследователи из НИУ ВШЭ в Петербурге опубликовали результаты семантического анализа данных, показывающего соотношение „имперского дискурса” в поисковых запросах и в предложениях, в том числе представленных так называемым „официальным контентом” (Gorgadze, Gordin, Belyakova).

рынкам, по районам с современной типовой застройкой или с архитектурой неоконструктивизма 1970-х годов, посещение креативных пространств или музейно-выставочных локаций, образующих своего рода культурные центры в периферийных районах. „Выставочные, творческие, культурные пространства, частные музеи, магазины авторских вещей – примеры обживания промышленных районов предприятиями «интеллектуальной индустрии»” (Троіскаâ 117), и они тоже становятся объектами интереса с туристической позиции, объектами изучения места – с позиции краеведческой. В них сама среда задает контекст восприятия, обновляя набор символических значений, свойственных конкретному месту. Все эти тенденции основываются на краеведческом импульсе и могут быть соотнесены с набирающим силу явлением – *Новым краеведением*.

Феномен Нового краеведения: истоки явления

Как отмечалось выше, идеи и практики Нового краеведения распространились в Петербурге особенно заметно во время ограничений, связанных с пандемией Covid-19, хотя появились задолго до этого. Термин введен в публичный дискурс известным петербургским историком и журналистом Львом Лурье, который сам определяет Новое краеведение через соотнесение с городом, с городскими исследованиями, с собственной методологией освоения города в деталях (Lug'e). В этом смысле Новое краеведение открывает историю Петербурга с неожиданных сторон, разрушая сложившиеся стереотипы в его восприятии. Анализируя темы и форматы взаимодействия с городом как для туристов, так для самих горожан, можно выделить отличительные черты, характеризующие Новое краеведение:

1. Новое краеведение в целом связано с городскими локусами и локальными мифами. Оно инициирует переосмысление места через восприятие отдельного человека, используя подходы, свойственные микроистории⁵;
2. Новое краеведение переносит акцент с генеральной линии развития истории города на ее социальные аспекты, взаимодействует с историей повседневности, раскрывая периферийные сюжеты через историю людей;

---

⁵ В российской науке интерес к микроистории в 1990-е годы не случайно совпадает с поисками новых подходов к краеведению. Выбор объектов изучения среди лакун городского знания обладает децентрирующей силой и ведет к более глубокому проникновению в многослойные явления городской истории и культуры.

3. Переосмысляя объекты локальной мифологии, обогащая их новыми пространственными коннотациями, Новое краеведение не ставит своей задачей вписать эти объекты в существующий городской нарратив;
4. Фокус исследования часто смещается в сторону промышленных или спальных районов, имеющих свою собственную историю;
5. Используется принцип партисипаторности⁶, при котором личные истории современников становятся частью городской истории, наполняя локальную мифологию материалом из воспоминаний и впечатлений.

В Санкт-Петербурге мы видим, как меняется туристическая репутация неэкскурсионных районов или, по крайней мере, не самых известных среди туристов мест города. Среди примеров новых объектов интереса назовем деревню Колтуши и научный городок академика Павлова под Петербургом, Дачу Громова (или Лопухинский сад) на Петроградской стороне (Galkina), старые промышленные микрорайоны, например, Чекуши на Васильевском острове (Šer), дворы и парадные, в 2010-х ставшие популярными экскурсионными направлениями (Kožanov 207). От традиционного краеведческого подхода Новое краеведение отличается акцентированием внимания на частных историях, архитектурных или бытовых деталях, через которые расширяются контексты и уточняются характерные и не самые характерные традиции. Новые инструменты исследования, оцифрованные коллекции, публичные доступы к бумажным и цифровым архивам дали возможность разносторонних исследований локальной истории и мифологии. Новым можно считать и возрожденный интерес к местному, периферийному сюжету, часто исходящий от любительских краеведческих сообществ.

Изменившийся взгляд на предметы, отныне достойные описания и изучения, требовал фиксации новых отношений с городом и его прошлым. Многие периферийные сюжеты впервые нашли путь к известности на страницах краеведческих изданий с тем, чтобы впоследствии распространиться на веб-страницах изданий и в социальных сетях.

Новое в краеведческой периодике

Изучение современных краеведческих журналов России, предпринятое сотрудниками Российской публичной библиотеки Лидией Новиковой и Ека-

---

⁶ Здесь понимаем партисипаторность как принцип коллективного участия, соучастия в культурном проекте, медиапространстве, а также в музейной деятельности (см. Jenkins et al.; Moroz).

териной Трубиной (Novikova, Trubina), свидетельствует об актуальности разговора о возрождающемся интересе к краеведению начиная с 1990-х годов. Исследование, проведенное более десяти лет назад, охватило 165 российских краеведческих изданий, в том числе региональных (на сегодняшний день некоторые из них поменяли издательскую политику или же прекратили существование). В целом содержание большинства краеведческих журналов оставалось в рамках традиций советского краеведения⁷, однако отдельные признаки обновления к этому времени уже сформировались.

Поиск нового краеведческого пути можно увидеть уже в петербургских периодических изданиях 1990-х, когда были основаны узкоспециализированные краеведческие альманахи, такие как „Из Охтинской летописи” (выходил в 1994–2009 гг.), „Рыбацкая слобода” (вышло шесть выпусков, с 1995 по 2014 год) (Razdorskij 122, 114–115). С 2003 года выходят краеведческие сборники Красносельского района, включавшие в основном материалы историко-краеведческих конференций⁸, к ним добавляются и другие издания административных районов Петербурга. Обретение собственного голоса городскими локациями, не включенными в генеральную линию петербургской истории, имело большое значение для формирования образа города вне музеефицированного имперского нарратива.

Среди изданий, отражающих тенденции Нового краеведения, можно назвать и инициированные Комитетом по культуре, например культурно-исторический альманах „Фонтанка”, публикуемый с 2007 года Центральной городской публичной библиотекой им. В.В. Маяковского. „Концепция издания предусматривает интерес к повседневной жизни, устной истории”, как следует из аннотации к альманаху (Razdorskij 121), в котором действительно представлены частные истории домов, биографии людей как фрагменты целого корпуса текстов об истории Санкт-Петербурга.

Отдельным событием в периодике 2000-х стали журналы „Адреса Петербурга” и „Квартальный надзиратель” (приложение к изданию „СПб.Собака.ru”). На их страницах воплощены основные принципы Нового краеведения, здесь же зародились новые импульсы к нестандартному освоению городской топографии и истории.

---

⁷ Как часть исторической науки, краеведение занимается реконструкцией исторических фактов в территориально отведенных границах, эта функция сохранялась в работе краеведческих институций, преимущественно музеев, в советский период. Концепция советского краеведения имела ощутимый просветительский крен, часто оно становилось на службу патриотического воспитания, краеведческие музеи составляли централизованную сеть по всей стране, а принципы их организации были унифицированы.

⁸ Выпуски этих сборников доступны на сайте Библиотеки Красносельского района: <http://krlib.ru/natural-history-collections>.

„ЖУВЦ (Журнал учета вечных ценностей) Адреса Петербурга”, созданный профессиональными авторами – учеными, журналистами, архитекторами, краеведами, художниками и фотографами, поддерживает идею сознательного отказа от принципов традиционного краеведения, от иерархического подхода к достопримечательностям в пользу тематических *срезов* жизни города, закрепленных в рубриках *Тема, Диаспора, Изменения, Учреждение, Исторический анекдот, Здание, Фасады и интерьеры* и других (см. Razdorskij 118–120). Эти разделы представляют с разных сторон культурную историю и эстетику современного существования фрагмента городской среды.

Объектами изучения становятся, например, архитектурные особенности городских пунктов приема стеклотары (№ 15/27, 2004) или сохранившиеся флюгеры в Санкт-Петербурге и окрестностях (№ 49/63, 2019), исторические описания дворницких (№ 35/49, 2009) и истории небольших городских *интерьерных* садов, таких как Шереметевский сад (№ 43/57, 2012) или садик во дворе Литейного проспекта, 46 (№ 17/29, 2005). Оптика изучения города, представленная на страницах журнала, настраивала и собственную оптику читателей, демонстрируя возможность обнаружения „сокровищ” в порой обыденных вещах и примелькавшихся городских видах, превращая аудиторию издания в урбанистических гурманов.

Подход, предложенный редакцией еще в 2003 году, был оригинален тем, что демонстрировал отказ от линейного движения по историческому пути. Выбранные объекты изучения объединялись вокруг одной геолокации, или вокруг одного имени или короткого исторического периода, но часто связи между материалами номера были далеко неочевидны. Краеведческий характер публикаций сочетается с эффектом калейдоскопа, неизменно выдающего новую картинку при вращении, и постмодернистским приемом инвентаризации имеющегося (что заявлено в самоироничном заголовке журнала и построении содержания номеров).

В художественном оформлении журнала также был использован ряд стилизаций, от документально-сдержанных шрифтов без засечек в заголовках до оформления рубрик текущего и соседних с ним номеров по принципу гиперссылок. Полосы рекламных объявлений, превращенные в черно-белые ретро-страницы, размещение высококачественных художественных фотографий, соседство исторических чертежей и современных иллюстраций, наконец рукописные шрифтовые вставки от „митька” Александра Флоренского (который был главным художником журнала в 2003–2004 годах) сформировали уникальный дизайн издания.

Впоследствии журнал обзавелся новым адресом – адресом веб-сайта (см. *Adresa Peterburga*), что, с одной стороны, стало шагом навстречу более

широкому кругу читателей, с другой – лишило его ауры утонченного интереса к артефактам городской локальной истории. При сохранении общей структуры и дизайна, журнал постепенно сменил тематическую концепцию после 2014 года: география материалов значительно расширилась, в 2018 году, при поддержке Правительства Санкт-Петербурга, открылась серия номеров, посвященных юбилеям пригородных музеев, также появились материалы, связанные с крымской тематикой (№ 61/75, 2017: *Путь Екатерины Великой*; № 70/84, 2019: *Суворов и Крым*). Обозначенные в подзаголовке „вечные ценности” в ходе конъюнктурных трансформаций приобрели серьезную перспективу превращения в ценности исключительно традиционные.

„Квартальный надзиратель”, еще один оригинальный краеведческий проект, воплотившийся в журнальном формате, основан в 2002 году по инициативе Льва Лурье (выпуск был прекращен после 2015 года). На страницах издания предлагался поквартальный обход районов Петербурга и окрестностей, в итоге складывался образ-характер каждого участка карты, обладающий своим историческим прошлым, своим *genius loci*. Эти небольшого формата выпуски связаны с Новым краеведением идеей освоения городского пространства, уводящей от привычных туристических маршрутов, целью знакомства с выбранным участком через историю домов, людей, топонимику. Четкая структура рубрик, наличие карты квартала позволяли использовать журнал как мини-путеводитель по району.

Все эти публикационные усилия не прошли даром: в 2010-х сформировалась высокая потребность в нестандартных экскурсиях, посещениях закрытых территорий, тематических прогулках, в особенности, у самих жителей, а также сформировались любительские группы, готовые сами творить городскую историю и знакомить с ней.

Самостоятельные краеведческие инициативы горожан

В 2000-е годы пределы узкоспецифических интересов знатоков и любителей городского краеведения переполнились, появились новые проекты и направления, характерные и для экскурсионной работы. Катриона Келли отмечает, что в эти годы „петербуржцы имели более высокий уровень осведомленности о прошлом города, чем жители многих других постсоветских городов” (Kelly 64). Частные случаи и фрагменты микроистории стали популярными объектами изучения и экскурсионными направлениями.

В числе таких общественных инициатив и новых подходов к изучению городского пространства, можно отметить фестиваль нестандартных городских экскурсий *Открытая карта* (2015), – пример общественного

движения, которое переросло в ежегодные фестивали, не только в Петербурге, но и в других городах России. Идея проекта первоначально звучала как „экскурсии от местных и для местных”, но позднее экскурсионная аудитория стала разнообразнее. Существовая как платформа для социально значимых инициатив, фестиваль работал на „расширение представлений о границах культурной среды города” (Кожапов 208). В рамках фестиваля впервые были представлены экскурсии „с закрытыми глазами”, разработаны маршруты, подходящие для инвалидных колясок. Социально-общественная значимость этого проекта заключалась в создании экскурсий, освещающих проблемные территории города (например, экскурсии на Канонерский остров), предлагающих знакомство с актуальными центрами городской культуры (экскурсии по креативным пространствам), с возможностями здорового образа жизни (например, экскурсия *Веган в большом городе*). Внепроектные самостоятельные экскурсии петербуржцев⁹, предложения которых можно было встретить в основном в соцсетях, сохраняли популярность вплоть до 2022 года.

Усилия такого рода впоследствии были переориентированы городскими властями в соответствии с патерналистской стратегией взаимодействия с гражданскими инициативами. Общественные достижения таким образом были превращены в проекты, финансируемые государством. Среди них – *Открытый город* (с 2016 по настоящее время)¹⁰, ставящий целью сделать доступным знакомство с памятниками культурного наследия, в том числе он давал возможность посещения менее известных и неизведанных мест, закрытых объектов, авторских уникальных маршрутов, а также мест, связанных с работой градозащитников Петербурга. Другой проект, направленный на формирование туристического имиджа, *Новая туристская география* (с 2020 по настоящее время) от Комитета по развитию туризма Санкт-Петербурга объединил аттрактивные памятники и общественные пространства, уже ставшие популярными у петербуржцев, для расширения туристической среды города и привлечения инвестиций (Knâginin et al. 40).

Опыт развития локальной мифологии занял свое место и в различных интернет-сообществах, тематически связанных с краеведением его отдельных районов. Один из примеров таких сообществ проанализирован в ста-

---

⁹ В качестве примера можно привести экскурсии по Смоленскому кладбищу, информация о которых публиковалась в группе „От Стрелки до Гавани” в социальной сети „Facebook”: <https://www.facebook.com/groups/StrelkaGavan/>.

¹⁰ Реализуется в сотрудничестве Санкт-Петербургского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) и Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры (КГИОП).

тье Ларисы Краевой, посвященной микрорайону *Форель* (Кировский район) в Петербурге, и соответствующей группе в социальной сети „ВКонтакте” (Краева). Обсуждения участниками архитектурных решений, исторических событий, социальных аспектов жизни микрорайона рассматриваются автором как „краеведческая рефлексия”, а контент сообщества исследован как субъективный отклик на объективные информационные данные. Деятельность сообщества связана с конструированием локального нарратива при помощи частных воспоминаний, литературных ассоциаций, обмена фотографиями. Практическая значимость этой работы компенсируется, по словам автора, „музейными” функциями – в первую очередь это сохранение и передача социокультурного опыта и чувства места – и формированием локальной идентичности.

К числу партисипаторных петербургских краеведческих инициатив можно отнести коллективный проект Музея Истории Санкт-Петербурга *City Скрепы* (Projekt „City Skrepy”), который направлен на создание нового городского образа, выраженного через призму личных историй участников-горожан. На основе собранных впечатлений, фотографий, воспоминаний, ассоциаций, музей планирует опубликовать карты-маршруты достопримечательностей района. *City Скрепы* предлагают участникам конструировать новые смыслы для определенных городских мест (первым таким локусом стала Петроградская сторона) и делиться собственным культурным опытом, что должно помочь не только обновить городской текст содержательно, но создать сразу несколько новых точек, ракурсов его изучения.

Тот же принцип „многоголосья” истории города характерен для новых публикаций о Петербурге; например, в недавно вышедших книгах *Истории домов Петербурга, рассказанные их жителями* (Galkina, Kos'min, Akimov) и *Голоса из окон: ожившие истории Петербургских домов* (Kubrâkova) для представления „биографий” петербургских домов использованы архивные истории людей, в них проживающих или некогда живущих.

Голоса горожан участвуют и в официальных мероприятиях, проводимых Комитетом по развитию туризма Санкт-Петербурга, например, в проекте (*От*) *личный Петербург. Гид по Новой туристической географии* (см. (*От*) *ličnyj Peterburg*), запущенном в 2021 году совместно с городским интернет-порталом *Фонтанка.ру*. Поиск и публикация списков нетипичных достопримечательностей, магазинов, мест размещения здесь проводится с акцентом на личные истории, инициативы, а также личный выбор горожан с помощью онлайн голосования за те или иные объекты в каждой номинации.

Ограничения, связанные с кризисными событиями всемирной пандемии Covid-19, застigli петербуржцев весной 2020 года и способствовали изменению траекторий путешествий, проходящих теперь в основном внутри

области, города, района, квартала. Вместе с тем произошла и смена оптики – вместо панорамного представления Петербурга как имперской столицы или „города трех революций”, петербуржцам и их немногочисленным гостям предстал Петербург метлахской плитки, витражных окон, незаметных улиц с памятниками северного модерна, потайных дворов и промышленных зданий. Материальным ответом на этот запрос общества стала малотиражная сувенирная серия картонных конструкторов *Тот самый Петербург*, придуманная Натальей Наниевой (Paharev). В независимом авторском проекте по выпуску сборных варьируемых моделей городских видов с брандмауэрами, гаражами и старыми трамваями воплощена идея об изнанке города и об историческом отрезке его непарадной жизни.

Уход от имперского контекста, объединяющий большинство этих инициатив, следует концепции Нового краеведения в определении Александра Филушкина: „Под Новой локальной историей понимается история места, но места не как административной или историко-географической единицы, а как микросообщества, социокультурного микрокосма в локальном измерении” (Filůškin 232–233).

Краеведение в оппозиции

Новое краеведение противостоит большим нарративам, к которым стремится официальная история, поскольку оно выступает как реализация идеи множественности историй, реализуемой через локальность как объекта, так и способа выражения. Разнообразие артефактов, не сводимое к какой-то единой нарративной модели, не может игнорироваться, поскольку именно уникальность этого набора артефактов и создает уникальность истории места. Такая незаменимость артефактов создает уникальность истории места, локального мифа, а значит, и уникальность самого места. Новое краеведение основывается на незаместимости индивидуального и личного в историческом повествовании и не может быть сведено к унифицирующему подходу официальной истории. В случае, когда „большая история” становится инструментом (исторической/мемориальной) политики, краеведение выступает в оппозиции к ней.

В рецензии на книгу Эмили Джонсон *How St. Petersburg Learned to Study Itself* Марина Лоскутова отмечает:

Краеведение было и остается не только академической дисциплиной, но и общественным движением, обладающим в определенные периоды значительным мобилизационным потенциалом. Последний же аспект, насколько известно, еще не стал предметом специального анализа (Loskutova 502).

Такие периоды словно индикаторы самосознания горожан, вызывают к жизни локальные, региональные и национальные истории. Это является своеобразным притязанием общества на независимость, что дает краеведению возможность быть „идеологической оппозицией центральной, имперской власти” (Baryšnikov, Zaostrovcev, Filûškin 85) и мифологизированному его прошлому. Культуролог Борис Степанов также ясно сформулировал это оппозиционное официальным установкам функционирование современных краеведческих движений:

Мои коллеги провели исследование „Какое прошлое нужно будущему России”, где показали, что краеведение – это пространство памяти и исторической рефлексии, которое позволяет осмыслять прошлое в альтернативном ключе, отдельном от навязываемого государственной политикой (Stepanov).

Монополия на исторический нарратив в России присваивается государством, поэтому обращение к темным страницам истории, исходящее от общественных организаций, ведет к явному или скрытому конфликту с властью. Так, говоря о проработке исторических травм, Николай Эппле пишет о двух различных стратегиях отношения к прошлому: „примирение сверху” и „примирение снизу” (Epple), которые, имея серьезные расхождения в корне, за последние несколько лет достигли высокой точки противостояния. Для Санкт-Петербурга одним из самых ярких явлений, связанных с неофициальной историей, стал проект *Последний адрес* Международного общества „Мемориал”¹¹. Проект не является исключительно петербургским, он охватывает ряд крупных городов, где были установлены памятные персональные таблички „на фасадах домов, адреса которых стали последними прижизненными адресами жертв репрессий на протяжении всего времени существования тоталитарного режима в СССР и России” (Memorial’nyj projekt „Poslednij adres”, электронный ресурс). Как и другой проект „Мемориала” – *Возвращение имен*, реабилитирующий память жертв Большого террора, *Последний адрес* воплощает в жизнь идею, заложенную в ахматовских строках „Хотелось бы всех поименно назвать...” (*Реквием*, 1934–1963). На каждой табличке помещено имя, даты рождения и расстрела, дата реабилитации. В отличие от мемориальных досок, посвященных известным людям, *Последний адрес* работает со всеми именами, которые можно найти с помощью баз данных, созданных „Мемориалом”. „Каждое открытие таблички оказывается событием, работающим на выстраивание местного мемориального сообщества” (Epple 52). Не являясь памятниками, а лишь маркируя место, таблички с пустыми окошками вместо

¹¹ В 2016 году включен Минюстом РФ в Реестр иностранных агентов, в 2022 году организация ликвидирована в России.

фото создают на карте сетку адресов, ставших последним домом для жителей города, демонстрируют частную, биографическую включенность в эту неофициальную историю Петербурга. Сохранение памяти о жертвах репрессий – все еще возможное в России социальное действие, однако и здесь организаторы установки табличек часто сталкиваются с преградами, исходящими от жилищных товариществ или от городской администрации¹². Нежелание и невозможность современной власти признавать ошибки прошлого становится причиной подавления государством подобных инициатив.

Начатый в 2019 году краеведческий проект *Острова (не)свободы: Петербург, XX–XXI век* (совместная работа Фонда Иоффе, Открытого пространства, а также сотрудников и студентов Национального исследовательского университета Высшей школы экономики) посвящен протестному движению: участники собирают информацию о локальных акциях протеста, памяти и солидарности, перформансах, опытах общественных объединений и индивидуальных выступлениях против несвободы в Ленинграде-Петербурге (см. „Ostrova (ne)svobody”).

С краеведением оказывается связанной и деятельность градозащитников, нередко вступающая в отношения противостояния с городскими властями. Один из наиболее известных примеров – движение *Живой город* (см. *Dviženie „Živoj gorod”*), которое помимо митингов и пикетов в защиту городской среды также проводит лекции и выставки, посвященные истории города. Необходимые исследования для проведения экспертиз, распространение локальной истории, связанной с объектами защиты, в медиа делают эти краеведческие усилия особенно актуальными.

Лишь некоторые инициативы в русле Нового краеведения сильны настолько, чтоб своей просветительской деятельностью противостоять официальному дискурсу, однако они дают понять, что далеко не все горожане согласны представлять Петербург как воображаемое место для общения с идеализированным прошлым.

Заключение

Интерес к локальным образам города, их интерпретации в современных условиях может стать нечто большим, чем формой досуга. Это показывает всплеск краеведческой активности горожан, наблюдаемый в последние несколько лет.

---

¹² Ряд таких конфликтов в Санкт-Петербурге и других городах, получил освещение в прессе, в нескольких изданиях. Ссылки на них приведены в статье, посвященной *Последнему адресу*: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Последний> (23.08.2023).

Тот самый Петербург. Картонный конструктор Натальи Наниевой

Ресурс: фото автора.

Новые тенденции в осмыслении города и упомянутые гражданские инициативы свидетельствуют во многом о запросе аудитории. Поскольку активисты сами принадлежат к потенциальной целевой аудитории собственных проектов, слух на подобный запрос у них гораздо более чуткий, чем у городских властей, и они более мобильны в реализации и изменениях краеведческого формата. Наметившиеся тенденции обращения к нетрадиционным способам исследования исторического пространства, смещения поисков от центра к периферии и тематически, и географически способствуют обновлению локальной мифологии города. Вместе с тем все перечисленные в статье примеры показывают, что сложившаяся краеведческая практика не противоречит основным городским нарративам и образам (мы упомянули их в начале статьи), а дополняет их, помогая сохранить актуальную связь истории и современности.

В отличие от унифицированных краеведческих институций советского прошлого, подчиненных общей идеологии, проекты Нового краеведения направлены на изучение частного, местного, неофициального. Инициаторы

гражданских проектов выстраивают процесс освоения локальной истории, основываясь на горизонтальной коммуникации, сетевых принципах построения сообщества вокруг процесса, часто создавая виртуальную инфраструктуру. Такая форма позволяет включать в проекты сильный субъективный элемент, который делает локальную историю и сам локус близким и понятным, т.е. лично достоверным для других членов сети пользователей проекта. Несмотря на попытки администрирования и присвоения результатов самостоятельных краеведческих инициатив органами власти, конфликт между Новым краеведением и государственным историческим метанарративом часто оказывается неизбежен.

Материал для этой статьи был собран преимущественно до полномасштабного российского вторжения в Украину 24 февраля 2022 года. Многие аспекты, связанные с общественными инициативами, под влиянием идеологических изменений стали еще более рельефными. При всей невообразимости текущей ситуации внутри России, импульс, заданный Новым краеведением, может работать в местных сообществах, блогах и социальных сетях, где город остается предметом некоммерческого интереса, а краеведческий поиск – источником сближения людей.

Библиография

- Anciferov, Nikolaj. „Peterburg Dostoevskogo (Opyt literaturnoj èkskursii)”. *Èkskursionnoe delo*, 2, 1921, s. 1–20.
- Baryšnikov, Vladimir, Boris Zaostrovcev, Aleksandr Filûškin. „Imperiâ, pamât' i «Mesta pamâti»”. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorîâ*, 3, 2011, s. 84–89.
- Epple, Nikolaj. *Neudobnoe prošloe. Pamât' o gosudarstvennyh prestupleniâh v Rossii i drugih stranah*. Moskva, NLO, 2020.
- Filûškin, Aleksandr. „Ot istoričeskogo kraevedeniâ k Novoj lokal'noj istorii”. Aleksandr Filûškin et al. *Teoriâ i metodologiâ istorii*. Moskva, Úrajt, 2021, s. 227–233.
- Galkina, Ūliâ. „Progulka po ob'ektu ŪNESKO – Biostancii Pavlova pod Peterburgom”. *The Village. Gorodskoj internet-sajt*. 23.07.2021. Web. 10.11.2022. <https://www.the-village.ru/city/route/biostation>.
- Galkina, Ūliâ, Maksim Kos'min, Anton Akimov. *Istorii domov Peterburga, rasskazannye ih ŷitelâmi*. Moskva, Èksmo, Bombora, 2020.
- Gorgadze, Aleksi, Valery Gordin, Natalia Belyakova. „Semantic analysis of the imperial topic: Case of St. Petersburg”. *E-Review of Tourism Research*, 16/2–3, 2019, s. 3–13.
- Grevs, Ivan. „Monumental'nyj gorod i istoričeskije èkskursii (Osnovnaâ idea obrazovatel'nyh putešestvij po krupnym centram kul'tury)”. *Ivan Mihajlovič Grevs i peterburgskoe kraevedenie: Sbornik k 150-letiu so dnâ roždeniâ*. T. 1. Red. Boris Kaganovič, Aleksandr Kobak. Sankt-Peterburg, Evropejskij dom, 2010, s. 19–44.
- Jenkins, Henry et al. *Confronting the challenges of participatory culture: Media education for the 21st century*. Cambridge, MIT Press, 2006.

- Johnson, Emily. *How St. Petersburg learned to study itself: The Russian idea of kraevedenie*. University Park, Penn State University Press, 2006.
- Kelly, Catriona. *Remembering St. Petersburg*. Web. 20.04.2023. www.academia.edu/6847211/REMEMBERING_ST_PETERSBURG.
- Knâginin, Vladimir et al. *Novaâ kul'turnaâ geografiâ Sankt-Peterburga. Sovremennoe iskusstvo. Vystavki. Obrazovatel'nye i prosvetitel'skie proekty. Aktual'naâ kul'tura. Èkspertno-analitičeskij doklad*. Sankt-Peterburg, Fond podderžki innovacij i molodežnyh iniciativ Sankt-Peterburga, 2021.
- Konečnyj, Al'bin. „K istorii humanitarnogo otdela Petrogradskogo naučno-issledovatel'skogo èkskursionnogo instituta (1921–1924)”. *Ètnografiâ Peterburga–Leningrada: materialy ežegodnyh naučnyh čtenij*, 3. Red. Natal'ia Ūhneva. Sankt-Peterburg, 1994, s. 50–58.
- Kožanov, Kirill. „Sovremennye funkcii gorodskoj èkskursii: kul'turologičeskij aspekt”. *Åroslavskij pedagogičeskij vestnik*, 3 (108), 2019, s. 204–209. <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2019-10436>.
- Kraeva, Larisa. „Kraevedenie online: istoriâ odnogo mikrorajona v social'noj seti”. *Kul'tura i tehnologii*, 6/1, 2021, s. 15–21. <https://doi.org/10.17586/2587-800X-2021-6-1-14-20>.
- Kubrâkova, Ekaterina. *Golosa iz okon: Oživšie istorii peterburgskih domov*. Moskva, Bombora, 2023.
- Loskutova, Marina. „How St. Petersburg learned to study itself: The Russian idea of Kraevedenie by Emily Johnson (review)”. *Ab Imperio*, 1, 2007, s. 495–504. <https://doi.org/10.1353/imp.2007.0072>.
- Lur'e, Lev. „Novoe Kraevedenie». Lekciâ L'va Lur'e 10.10.2013. Anons”. *Zovëm.ru*. Web. 30.10.2022. <http://zovem.ru/event/novoe-kraevedenie-lektsiya-lva-lure-38412>.
- Moroz, Oksana. „Sovremennye media kak svidetel': rossijskij opyt (samo)opisaniâ soobščestva”. *Šagi / Steps*, 3, 2015, s. 139–153.
- Novikova, Lidiâ, Ekaterina Trubina. „Kraevedčeskie periodičeskie izdaniâ Rossijskoj Federacii na rubeže vekov: puti i osobennosti razvitiâ”. *Bibliosfera*, 2, 2011, s. 59–66.
- Paharev, Nikita. „Menâ privlekaet obšarpannost' goroda... Interv'û s N. Nanevoj”. *Bumaga*, 18.02.2021. Web. 21.04.2023. <https://paperpaper.io/menya-privlekaet-obšarpannost-goro/>.
- Razdorskij, Aleksej, red. *Kraevedčeskaâ periodika Rossii 1992–2010: materialy k bibliografii kraevedčeskikh periodičeskikh i prodolžaušihâ izdanij Rossijskoj Federacii*. Sankt-Peterburg, Evropejskij dom, 2010.
- Smirnova, Aleksandra. „Iz istorii otečestvennoj èkskursionnoj školy: Petrogradskij (Leningradskij) èkskursionnyj institut (1921–1924 gg.)”. *Vestnik RGGU. Seriâ: Literaturovedenie. Åzykoznanie. Kul'turologiâ*, 6 (86), 2012, s. 58–77.
- Stepanov, Boris. „My pereživaem vsplesk massovogo interesa k kraevedeniû, v tom čisle u raznyh molodežnyh grupp...”. Interv'û s N. Antropovoj. *Real'noe vremâ*, 20.10.2019. Web. 20.04.2023. www.realnoevremya.ru/articles/155313-boris-stepanov-o-fenomene-rossijskogo-kraevedeniya.
- Stites, Richard. „Cultural capital and cultural heritage: St. Petersburg and the arts of imperial Russia”. *Preserving Petersburg: history, memory, nostalgia*. Eds. Helena Goscilo, Stephen M. Norris. Bloomington, Indiana University Press, 2008, s. 182–196.
- Šer, Maksim. „Gavan' i Čekuši. Progulka po portovo-promyšlennym rajonom Peterburga”. *Zapovednik*, 20.11.2020. Web. 18.12.2023. <https://zapovednik.space/material/gavan-i-chekushi>.
- Toporov, Vladimir. „Peterburg i Peterburgskij tekst russkoj literatury”. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz*. Moskva, Progress-Kul'tura, 1995, s. 10–56.

- Troickaâ, Anna. „Lokalizaciâ iskusstva kak sposob pereformatirovaniâ gorodskogo prostranstva”. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 1 (123), 2019, s. 115–122.
- Zamâtin, Dmitriy. „Gumanitarnaâ geografiâ: prostranstvo, voobraženie i vzaimodejstvie gumanitarnyh nauk”. *Sociologičeskoe obozrenie*, 9/3, 2010, s. 26–50.

Источники

- Adresa Peterburga*. Web. 23.08.2023. <https://adresaspb.com/>.
- Dviženie „Živoj gorod”*. Web. 23.08.2023. www.save-spb.ru/.
- Memorial'nyj proekt „Poslednij adres”*. Web. 23.08.2023. www.poslednyadres.ru/about/.
- „Ostrova (ne)sobody ”: Peterburg, XX–XXI vek*. Web. 23.08.2023. spb.iofe.center/.
- (Ot)ličnyj Peterburg*. Web. 23.08.2023. <https://guide-spb.fontanka.ru/2022>.